

Список використаних джерел

1. Василій Великий, свт. Творіння: в 2 т. / Свт. Василій Великий; [пер. під ред. Патріарха Філарета Філарета (Денисенка)]. – К.: Вид. відділ УПЦ КП, 2011. – Т.1. Кн.2. – 546 с.
2. Доротеї Палестинський, прп. Поучення і послання / прп. Доротеї Палестинський; [пер. з рос. Симеона (Гермак), Венедикта (Шурат-Глуха)]. – Львів: Свічадо, 2005. – 200 с.
3. Ігнатій (Брянчанинов), еп. Собрание сочинений: в 7 т. / еп. Ігнатій (Брянчанинов). – Краматорск: ЗАО «Тираж-51», 2001. – Т.2.
4. Іоан Золотоустий, свт. Повне зібрання творінь: в 24 т. / свт. Іоан Золотоустий; під ред. Патріарха Філарета; [пер. прот. М. Марусяка]. – К.: Вид. відділ УПЦ КП, 2012. – Т.10. Кн.2. – 662 с.
5. Каплан І. Христос как второй Адам в богословии преподобного Максима Исповедника / Илья Каплан [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bogoslov.ru/text/4574482.html>
6. Ларше Ж.–К. Бог не хочет страдания людей / Ж.–К. Ларше; [пер. с франц. С. М. Бичуцкого, П. К. Доброцветова]. – М.: Изд-во «Паломник», 2014. – 156 с.
7. Макарий Великий, прп. Духовные беседы, послания и слова / прп. Макарий Великий. – М.: Изд-во Сретенского Монастыря, 2004. – 400 с.
8. Максим Исповедник, прп. Творения: в 2 кн. / прп. Максим Исповедник; [пер. с греч. С. Л. Епифанович, А. И. Сидоров]. – М.: Мартис, 1994. – Кн.2. Вопросыответы к Фалассию. – 346 с.
9. Максим Исповедник, прп. Творения: в 2 кн. / прп. Максим Исповедник; [пер. с греч., вступит. статья и комм. А. И. Сидорова]. – М.: Мартис, 1993. – Кн.1. Богословские и аскетические трактаты. – 353 с.
10. Марк Подвижник, прп. До тих, які сподіваються виправдатися ділами / прп. Марк Подвижник // Добротолюбіє: в 5 т.; [пер. Патріарха Філарета (Денисенка)]. – К.: Вид. відділ УПЦ КП, 2009. – Т.1. – С.572–597.
11. Феопліт Філадельфійський, свт. Слово, в якому з'ясується сокровенний у Христі подвиг і... у чому полягає головна справа чернечого чину / свт. Феопліт Філадельфійський // Добротолюбіє: в 5 т.; [пер. Патріарха Філарета (Денисенка)]. – К.: Вид. відділ УПЦ КП, 2009. – Т.5. – С.176–193.

References

1. Vasyliy Velyky, svt. Tvorinnya: v 2 t. / Svt. Vasyliy Velyky; [per. pid red. Patriarkha Filareta Filareta (Denysenka)]. – K.: Vyd. viddil UPTs KP, 2011. – T.1. Kn.2. – 546 s.
2. Dorotey Palestyns'kyu, prp. Pouchennya i poslannya / prp. Dorotey Palestyns'kyu; [per. z ros. Symeona (Hermak), Venedykta (Shurat-Hlukha)]. – L'viv: Svichado, 2005. – 200 s.
3. Yhnaty (Bryanchanynov), ep. Sobranie sochyneny: v 7 t. / ep. Yhnaty (Bryanchanynov). – Kramatorsk: ZAO «Tyrazh-51», 2001. – T.2.
4. Ioan Zolotoustyy, svt. Povne zibrannya tvorin': v 24 t. / svt. Ioan Zolotoustyy; pid red. Patriarkha Filareta; [per. prot. M. Marusyaka]. – K.: Vyd. viddil UPTs KP, 2012. – T.10. Kn.2. – 662 s.
5. Kaplan Y. Khrystos kak vtoroy Adam v bogoslovyyi prepodobnoho Maksyma Yspovednyka / YI'ya Kaplan [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.bogoslov.ru/text/4574482.html>
6. Larsh Zh.–K. Boh ne khochet stradanaya lyudey / Zh.–K. Larsh Zh.–K. [per. s frants. S. M. Bychutskoho, P. K. Dobrotsvetova]. – M.: Yzd-vo «Palomnyk», 2014. – 156 s.
7. Makary Velyky, prp. Dukhovnye besedy, poslannya u slova / prp. Makary Velyky. – M.: Yzd-vo Sretenskoho Monastyrya, 2004. – 400 s.
8. Maksym Yspovednyk, prp. Tvorenyya: v 2 kn. / prp. Maksym Yspovednyk; [per. s hrech. S. L. Epyfanovych, A. Y. Sydorov]. – M.: Martys, 1994. – Kn.2. Voprosootvety k Falassyu. – 346 s.
9. Maksym Yspovednyk, prp. Tvorenyya: v 2 kn. / prp. Maksym Yspovednyk; [per. s hrech., vstupy. stat'ya u komm. A. Y. Sydorova]. – M.: Martys, 1993. – Kn.1. Bohoslovskyye u asketycheskye traktaty. – 353 s.
10. Mark Podvyzhnyk, prp. Do tykh, yaki spodivayut'sya vypravdatysya dilamy / prp. Mark Podvyzhnyk // Dobrotolyubiye: v 5 t.; [per. Patriarkha Filareta (Denysenka)]. – K.: Vyd. viddil UPTs KP, 2009. – T.1. – S.572–597.
11. Feoplipt Filadel'fys'kyu, svt. Slovo, v yakomu z'yasovuyet'sya sokrovennyy u Khrysti podvyh i... u chomu polyahaye holovna sprava chernechoho chynu / svt. Feoplipt Filadel'fys'kyu // Dobrotolyubiye: v 5 t.; [per. Patriarkha Filareta (Denysenka)]. – K.: Vyd. viddil UPTs KP, 2009. – T.5. – S.176–193.

Marchuk O. T., graduate student of the Department of Culturology, Religious Studies and Theology, Yuri Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine, Chernivtsi), iam_marchuk@ukr.net

The phenomena of pleasure and suffering in the ideas system of eastern patristic anthropology health (Part I)

In the article, given authentic approach to understanding (the specific ontological and essence, existential variability) analyzed anthropological ideas of thinkers Eastern patristic regarding manifestations of functional abilities of the soul – pleasure and suffering. Results of the study found that the suffering and pleasure have double aspect of vital and practical, value and semantic interpretation: positive (from the standpoint of spiritual health) and negative (diseases). Disclosed principles and prospects for healthy functional manifestations of the phenomena studied based on the explanation of communication content of Christology and anthropology. Healthy considered a manifestation of pure (spiritual) pleasure that is characteristic of human nature, but as a component of not wanting it but a force that tends to its Creator. Achieving it is possible through reintegration ie the return to the primary withoutpassionate spiritual purity, the real unity with God. The unifying desire forces subordination of reason, that in turn, is in constant unity with God discovers its authentic by love and in love. In such a state of divine love, the human soul will acquire a true pleasure, insofar as the power of desire, with the natural desire of pleasure in good, avoid the suffering from exposure of evil.

Keywords: Jesus Christ, the suffering, pleasure, enjoyment, soul, health, healing, perfection.

Марчук А. Т., аспірант кафедри культурології, релігієзнавства і теології, Чернівецький національний університет ім. Юрія Федьковича (Україна, Чернівці), iam_marchuk@ukr.net

Феномены удовольствия и страдания в идейной системе антропологии здоровья восточной патристики (Часть II)

С учетом аутентичности подхода к осмыслению (специфики бытийной и сущностно-экзистенциальной сменяемости), проанализированы антропологические идеи мыслителей восточной патристики относительно функциональных проявлений способностей души – удовольствия и страдания. Выявлено, что страдания и удовольствия имеют двойной аспект жизненно-практической, ценностной и смысловой интерпретации: положительный (с позиции духовного здоровья) и отрицательный (болезней). Обоснованы принципы и перспективы достижения здорового функционального проявления изучаемых явлений на основе раскрытия соответствующих точек концептуальной перихорезы христологии и антропологии.

Ключевые слова: Иисус Христос, страдание, удовольствие, наслаждение, душа, здоровье, исцеление, совершенство.

* * *

УДК 1(091):17:572

Петриковская Е. С.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии познания, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса), ienape@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ РИТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

С целью выяснения эвристического потенциала классической антропологии в статье представлен обзор отношений философии и риторики. Определены спектр стратегий философского исследования природы человека в античности и их рецепция в современной философии. Сравнительный анализ философских концепций человека позволил конкретизировать, использование каких философско-антропологических идей и принципов в современной антропологии является целесообразным.

Ключевые слова: антропология, риторика, риторическая ситуация, софистика, рациональность, античный рационализм.

(статья друкється мовою оригіналу)

Антропология как комплексное изучение человека во всем ее тематическом и дисциплинарном разнообразии является одной из наиболее динамично развивающихся областей современного философско-гуманитарного знания. Сегодня довольно остро поставлен вопрос о применимости для объяснения человека теорий, рожденных в эпоху модерна. В постструктурализме ставится под сомнение ссызвание человека с заранее заданными общезначимыми сущностными порядками. В работах современных философов Ж. Делёза, Х. Блюменберга, Б. Кассен, С. Куцепал [6; 4; 7; 8]

и др. исследуется неустойчивый, несубстанциальный характер бытийствования человека, заставивший по-новому подойти к старому вопросу о природе человека, а в отдельных случаях и поставить вопрос о преодолении платонизма. Современная философия пытается уловить целостного человека, избегая произвольного деления его на деятельность, аффективность и познание, на рациональное и чувственное, но, одновременно с этим, и как действие, чувство и разум.

Трансцендентальная философия осмыслила понятие субъекта во всех его разновидностях, находя связь между субъектом и объектом осуществляющейся в актуальности *cogito*, пытаясь очистить субъект от зараженности временем. «Разрушение времени идеалистами позволяет подчеркнуть характер *suī generis* субъекта, тот парадоксальный факт, что он есть нечто, чего нет. Субъект не отличается от вещи тем или иным свойством – тем фактом, что он духовный, активный, непротяженный... Субъект находится за бытием, вне бытия. Вот почему не может быть онтологии идеалистического субъекта» [9, с. 208]. Критики идеализма сознания в XX веке опираются на античную философию, которая в отличие от нововременной дает онтологическое обоснование субъективности. Чтобы понять греков, по совету М. Хайдеггера, нам надо оставить область сознания и связанное с ним представление и достичь области вот-бытия, «дабы отчетливо видеть, что понимаемый как вот-бытие (то есть из эк-статике) человек есть лишь простираясь до того абсолютно отличного от него самого, которое есть просвет бытия» [15, с. 115].

Как мы знаем, в поле зрения немецкого философа не попадает античная софистика. Б. Кассен заметила, что мысль Хайдеггера не видит и мешает видеть другим философствующую софистику [7, с. 61]. Что мешало ему оценить заслуги софистов перед философией, увидев тем самым другую сторону древнегреческого рационализма, который, по мнению С. С. Аверинцева, был системой равновесия индивидуального и абстрактного всеобщего, критики и аксиоматики [1, с. 341]? Б. Кассен видит главную причину в одержимости Хайдеггера вопросом подлинности. Его беспокоит, как бы учение о мире не превратилось в антропологию. С его точки зрения становясь антропологией, философия гибнет от метафизического «забвения бытия». Можно также вспомнить, что «германский мастер» на этом же основании отверг проект философской антропологии М. Шелера как деструктивный для философии.

Но не теряем ли мы в таком онтологическом рвении саму проблему человека и даже самой философии? На наш взгляд, ответить на поставленные вопросы возможно, если мы подвергнем пересмотру устоявшиеся взгляды на античное наследие и найдем возможность с его помощью проблематизировать онтологию.

Цель данной статьи – рассмотреть два альтернативных центра античной культуры – философию и риторику и связать последнюю с современной антропологией. Соответственно цели определяются задачи статьи: 1) выделить особенности толкования природы человека в античности; 2) охарактеризовать восприятие риторики и софистики у Платона и Аристотеля; 3) уточнить характер рецепции софистики в современной философии.

По нашему мнению, происхождение антропологии следует связывать главным образом с античностью. Здесь

мы находим первое систематическое изложение знаний о человеке, первые опыты универсализации человека, его подведение под общие начала, встраивание его в некоторый закономерный порядок реальности [17, с. 24]. И современные проекты антропологической философии, отличительной чертой которых является внимание к человеческому бытию в его индивидуальности и конкретности [5, с. 63], также восходят к Древней Греции.

Какой тип мышления о человеке реализован в античности? Ни своих богов, ни человека античность не понимала как сферу какой-то абсолютной личности. В этом смысле античность космологична, но не персоналистична [10, с. 357]. А. Ф. Лосев в многих своих работах по античности проводит мысль, что именно живое и одушевленное тело человека, мыслящего на основании, при помощи и в целях общинно-родового коллектива, – основной предмет античного мышления. Такой тип мышления о человеке Лосев называл соматизмом, находя что для античной культуры характерна предельная обобщенность природно-человеческой телесности в ее нераздельности с ее специфически жизненным назначением. Лосев уточнял, что речь идет о человеческой телесности, а не о человеческом теле, а это значит, что кроме тела он имеет в виду и всего человека, включая его психику, умственный склад, личные особенности. Абсолютной действительностью для античного человека, по мнению исследователя, была предельная обобщенность человеческой телесности – чувственно-материальный космос («обыкновенное звездное небо»). Лосев настаивает: мир надо видеть живым, осмысленным, что и свойственно античному представлению о космосе как прекрасном живом существе. Это можно прочесть и так: античный человек находился в мире, который проявлял участие, был очеловечен, рассматривался как собственность человека, как приобщенный к нему.

В последнее время историко-философская рефлексия направлена на анализ и интерпретацию конкретных античных учений и реконструкцию более или менее целостной и «сквозной» картины трансценденталистского движения в западноевропейской философии [см. 14; 18]. Трансцендентализм исследуется как парадигмальное течение, существующее со времен Платона. Собственно, этот подход к античности присутствовал уже в работах М. К. Мамардашвили. На первый план в структуре человека выходит причастность нусу (*nous*). Последний рассматривается как пребывающий в самом себе, самостоятельно и отдельно от человека и всего «человеческого». «В нас действует то, – пишет Мамардашвили, – что от нас не зависит, и полагание в мире чего-то нами есть, в действительности, проявление действий этого «чего-то» в нас. Трансценденция. Ухватывание себя в этом и есть трансцендентальность сознания или идея, идея идей, по Платону... условие понимания мира, когда человек способен увидеть его без ограничений, накладываемых на видение мира частным характером человеческого устройства» [11, с. 153]. Получается, что ум, являющейся верховной частью души, независим от ее остальных составляющих, и именно в силу этой независимости может их организовывать таким образом, какой открывается изнутри его собственного порядка. Тем самым, подчиняя все свои мотивы и действия этой высшей части души, уму, человек руководствуется тем, что, находясь в нем, оказывается свободным от всего

«человеческого» и предстает существующим само по себе.

Представленная выше интерпретация античного рационализма вызывает критику как сугубо модернистская. Греки полагали, что благодаря разуму человек вносит в этот мир разумность. В рамках античной концепции человека правильнее было бы говорить о внеличностном Разуме, который правит человеком. Платон и Аристотель полагают, что человек может реализовать полную, истинную форму единства с ним только в результате определенных усилий, определенной деятельности в мире. Но это значит, что до осуществления этой деятельности единство мира не было полным, поскольку данный конкретный человек еще не входил в него в достаточной степени. Человеку приписывается свойство видеть абстрактные истины совершенно ясными и у него воспитывается способность применять общий принцип в каждом конкретном случае. Человек понимается как существо, которое стремится к своему осуществлению и добивается его.

Иными словами, представление о завершенности и полноте Космоса или Абсолюта, отличающее античность, вступает в противоречие с убеждением о необходимости определенных усилий для «вхождения» человека в «полноту» Абсолюта. На первый взгляд кажется очевидным, что метафизическая традиция, берущая начало в античности, не стремится сказать ничего специального о человеке в его уникальности. Однако А. Ф. Лосев обращал внимание на то, что категория развития была глубоко продумана в античности, особенно у Аристотеля. Человеческая жизнь представляла самостоятельный интерес. Не игнорируется конечность человека. «История души в какой-то мере превращает ее в субъективность, чувствительную к ошибкам и боли. Субъективность определяется низшим способом существования, фактом вовлеченности в становление, несовершенством» [9, с. 209]. Вечная и высшая цель субъективности – возвысить души над ошибкой, на что направлено искусство обращения, осуществляемое с помощью философии.

На наш взгляд разночтения связаны с сложностью самой античной концепции культуры, которая имеет два альтернативных центра – риторический и философский. Философия – любовь к мудрости, искательница истины. Риторика – искусство убеждать, «соделывательница убеждений». Философу надлежит сомневаться во всем, ригору вменена в долг окончательная уверенность. Не трудно догадаться, кто из них ценится современниками – обывателями выше. С. С. Аверинцев утверждает, что «внутренние противоречия античной философии – противоречия между традиционализмом и рефлексией, между установкой на «догму» и принципом методической самопроверки, между устремлением к единой истине, стоящей превыше «мнений» и не могущей противоречить себе, и множественность противоречащих друг другу доктрин об истине, в которых к «знанию» всегда примешано «мнение»... преодолевались риторикой» [1, с. 130].

Античная риторика подвергла критике представление о сущности человека – в том виде, в котором оно было выдвинуто Сократом, Платоном, Аристотелем. В качестве альтернативы была выдвинута идея индивидуальности, восстающей против объективных сущностных порядков. Она нашла свое выражение (хотя и не развернутое) в таких философских течениях, как софистика, скептицизм

и эпикуреизм. Немецкий философ и историк идей Ханс Блюменберг отмечал, что трудноисполнимость платонизма породила скептицизм и нигилизм. Он также указал на противостояние между ними: «Философия абсолютных целей не визнала законною теорію засобів; натомість вона пригнітила і придушила її. Етика, котра бере очевидність добра як свою точку відліку, не полишає жодного місця для риторики як теорії і практики справляння впливу на поведінку на основі припущення, згідно з яким ми не маємо приступності до остаточної очевидності добра» [4, с. 377].

По мнению Блюменберга в метафизике антропология не получает и не может получить своего развития. В то же время антропологический подход присущ оппозирующей метафизике риторике, рассматривающей человека как уникальное создание: «И це не внаслідок трансцендентного «надлишку», яким вона володіє, а внаслідок іманентного недоліку, недоліку даних наперед, готових структур пристосовуватися» [4, с. 377]. Действие компенсирует неопределенность человека, риторика же является усилием по созданию соответствия, соразмерности, играющей роль «сущностной» основы регуляторных процессов, чтобы осуществилось действие, чтобы действие стало возможным. В свете риторической ситуации все составляющие человеческого мира рассматриваются по-иному. Так, язык выступает не характерной особенностью человека, а функцией специфического затруднения человека. Язык в риторике рассматривается как комплекс инструментов не для передачи информации или истины, а как способ создания взаимопонимания, согласия или терпимости, от которых зависит тот, кто совершает действие.

Мы затрагиваем старый философский спор. Обычно полагают, что философская теория апеллирует к разумной способности, а риторика – к темным, не проясненным влечениям людей. В теории Блюменберга риторика выступает как безразличный к нашим намерениям и целям инструмент, который может быть употреблен по-разному: может служить одновременно как в качестве орудия манипуляций, так и в качестве средства их разоблачения. «Риторика є не тільки технікою продукування такого ефекту як враження, вона завжди є засобом утримування цього враження прозорим: вона робить нас свідомими щодо ефективного засобу» [там же, с. 380].

Мы знаем, что Цицерон подчиняет философию риторической установке ума. Но оказывается, Аристотель также отдает должное риторической ситуации. Любопытную интерпретацию аристотелевского подхода дает А. Ф. Лосев, для которого вся античная философия может быть представлена как эстетика. Эстетика, по Лосеву, занимается выражением вещи, то есть единством сущности и явления, античная же эстетика – риторика в основе [3, с. 211].

Сам А. Ф. Лосев выделяет в эстетике некую третью сферу, которая в языке и мышлении называется им «иррелевантная область» (у Гуссерля – «интенциональная область»): куда-то сознание направлено, хотя содержательно это бывает трудно определить. Как отмечает В. В. Библихин, «лосевское «иррелевантное» – это сфера незавершенного, неделанного. Здесь мы вне уютного детерминизма, предопределенности. Всё осуществляется на наш страх и риск, в нашей свободе, мысль о которой гоним прочь. Эта сторона есть собственно

мир, он раздвинут и непрестанно поддерживаем юностью, «эоном» [3, с. 180]. Иррелевантное – это предметы, о которых нельзя сказать, существуют они или нет. Они поэтому не зависят ни от объекта, ни от субъекта. У стоиков они назывались безразличным, ни тем ни другим. Предмет воления иррелевантен, но без него нельзя перейти к релевантному предмету. Некая объективная предметность облекается внутренним переживанием и получается специфическая предметность. «Кроме прямых чувственных заключений, – утверждает А. Ф. Лосев, – мы оперируем целым разрядом вещей, о которых нельзя сказать, есть они или нет» [цит. по: 3, с. 174]. Очевидно, речь идет об анализе данных сознания, в ходе которого анализа делаются разного рода допущения.

А. Ф. Лосев называет метафизику Аристотеля относительной, при этом ее невозможно оторвать от абсолютности [3, с. 58]. Помимо идеи и материи Аристотель выделяет иррелевантную сферу, что весьма актуально, поскольку «при современном состоянии мысли нельзя без относительности понимать действительность» [там же, с. 62]. Аристотель, уделивший большое внимание топике, риторической логике, поэтике (искусство изображения возможного), видится с новой стороны. Он высоко ставит риторику, как бы понимая, по замечанию Лосева, что человек не обязан все время говорить математически и логически точно. Сюда же надо относить и диалектику, которая не говорит ни да, ни нет. В «Первой аналитике» Аристотель выделяет два вида силлогизмов – аподиктический и вероятный, у каждого из которых своя логика. Причем, вероятная логика имеет отношение к повседневной жизни, наполненной вероятными суждениями. Читая этот текст, можно выделить три типа мышления: аподиктическое, вероятностное, софистическое. В риторике тот, кто говорит вещи, о которых нельзя сказать, истинны они или ложны, остается честным человеком. В качестве примера можно привести человека, выступающего в суде. У него нет достаточного количества материала, чтобы он говорил доказательными силлогизмами, и он лишь догадывается, где правда. Присяжные заседатели делают вероятный вывод, который им кажется истинным. Риторика у Аристотеля заигрывает с относительностью. Вероятностная логика у него относительная, как и вся человеческая жизнь относительна [там же, с. 48]. Наряду с законами силлогистической логики Аристотель оставил «Топику» – «эстетический силлогизм», которая ориентирована на саму гущу жизни.

У Аристотеля риторика была связана с одним из требований публичной демократической жизни – с требованием ясности применительно к публичным формам дискурса, а следовательно, с требованием прозрачности власти, социальных отношений, правил политической игры и пр. Это требование, тесно связанное с античной моделью полисной демократии сохраняет свою силу вплоть до наших дней. Сегодня все больше обращают внимание на то, что и теория, и риторика основаны на наших желаниях действовать рационально. В этом случае рациональность получает осмысление «не столько как репрезентация реальности, сколько как способ нашего самоопределения по отношению к ней и друг к другу, к поведенческим и познавательным нормам, к формулировкам целей и средств совместного действия» [16].

Отсутствие окончательной очевидности и, тем не менее, необходимость действовать – предпосылки

риторической ситуации. Без рассмотрения последней понимание античного рационализма будет неполным. Принято считать, что греки главный акцент в трактовке человека сделали на разуме. Более глубокий анализ работ Платона и Аристотеля показывает, что все не так просто. Мы упускаем из виду, что внутри целостного метафизического мировоззрения находила себе место античная риторика. Предмет риторики – то, чему можно подражать; она ориентирует человека на пути к счастью. Риторика и теория представляют собой два полюса античного рационализма. Какую антропологию предполагает риторика? Об этом мы можем узнать, обратившись к текстам Аристотеля, стоиков, неоплатоников, которые стремились создать средствами философии истинную теорию риторики [1, с. 347–363]. Тип человека, соответствующий риторике – адепт словесно-мыслительной культуры и мастер на все руки (например, Гиппий, сделавший наряд собственными руками). Это воспитанный человек, живущий, как подобает человеку высшего общества и владеющий словесной культурой. Идеал универсального человека (не профессионала), который знает, умеет все, пробует себя во всем. Этот риторический идеал человека был взят на вооружение Ренессансом [там же, с. 357].

Учитывая вышеизложенное, понятно, почему постмодернистская мысль проявила интерес к античной риторике и софистике. Под софистикой понимают сегодня как интеллектуальную позицию греческих софистов (Протагора, Горгия, Продика, Гиппия), так и своеобразную философию словесного рассуждения, которую встречают с одобрением как обращенную к сфере явлений и человеческого мира [7, с. 6]. Так, философия Делёза строится в антиплатоновском духе, французский философ «стремится выявить в истории философии направления, приводящие, по его мнению, к постмодернистской философии» [12, с. 308]. С помощью софистов и Ницше он стремится «перевернуть платонизм вверх ногами», в чем видит «задачу философии будущего» [6, с. 226]. Перевернуть платонизм означает в данном случае отвергнуть преимущество оригинала над копией, прославить симулякры и отражения. Симулякры в понимании Делёза, какими он находит их у Платона – это предметы, не подпадающие под упорядочивающее действие Идей, принадлежащие глубинному миру хаоса. Делёза и Ницше сближает стремление показать многоликость истины, множественность ее смыслов (или ориентация на множество интерпретаций текста), которые невозможно свести к одному знаменателю. Целью классической философии Платона и Аристотеля, по мнению Делёза, является «отбор среди претендентов, исключение эксцентричных и девиантных претендентов, во имя высшего телеологизма, сущностной реальности или смысла истории» [там же, с. 233]. Для Делёза главным является тот слой бытия, который у Платона уходит в тень, хотя он его и обозначает – чистое становление вне всякой меры.

Б. Кассен в своей книге «Эффект софистики» предлагает взглянуть на софистику как на «уклонение от метафизики и заданную со времени досократиков альтернативу классическому направлению в философии» [7, с. 9]. Она восстанавливает образ софистики в том числе по диалогам Платона «Софист», «Федр», «Горгий», «Тезетет». Платон – родоначальник философской критики софистики как дурной риторики. «Платон стоит у

истока фундаментальной философской проблемы, более того, пожалуй, единственной собственно философской проблемы, возникающей в связи с риторикой, – проблемы двусмысленности, даже омонимичности риторики. Свое исследование этого вопроса он строит в виде двойной судебной речи – pro et contra: contra в Горгии, pro в Федре» [7, с. 165]. Начиная с Платона, на месте риторики мы всякий раз обнаруживаем или собственно софистику, или собственно философию. Философия потому хочет заставить софистику замолчать, что софистика трактует философию как факт языка. Кассен называет логологией это «восприятие онтологии как дискурса, это настоящее указание на перформативную автономность языка и на порождаемый им эффект мира» [7, с. 11]. В работе Кассен мы обнаруживаем противопоставление Аристотеля Платону, софистическую обработку Аристотеля и рассуждения о многостороннем и утонченном восприятии софистики, присутствующей у обоих мыслителей [там же, с. 174]. Тезис Кассен о том, что критика онтологии учреждает сферу политического созвучен рассуждениям А. Ф. Лосева, представленным выше.

Наша эпоха располагает к новому изучению проблематики, открытой софистами. На смену «вещно-предметной» онтологии приходит «структурно-процессуальная», которая и задает направление поиска нового образа мироустройства. В рамках античной модели предполагается, что в мире существуют структуры, большие, чем двумерное целесообразное рациональное действие. Мыслить можно только на фоне некоторой неопределенности (мир в себе, вещь в себе). Но ведь именно это и имеют в виду современные апологеты риторики, рассматривающие ее как шанс выйти из кризиса рационализма. Однако простое воспроизведение античных антропотехник ничего не даст. Существует разница между рефлексивным традиционализмом античности и рефлексивным антиантиционализмом нашей современности. Тем не менее с помощью риторического «ренессанса» ищут решения насущной теоретической проблемы – создания антропологии индивидуального. Ведь античная риторика совершила открытие индивидуального стиля и создала для этого термин «характер» – индивидуальность (стиля) человека. Без риторической системы образования не состоялось бы закрепление этого открытия. Слово выражает индивидуальность автора, потому что самоиндивидуально. Риторическая мысль «заворожена» непознаваемостью особенного, ей принадлежит исключительно высокая эмоциональная оценка индивидуального, оригинально дополняемая познавательной установкой на универсалии.

Выводы. Можно утверждать, что отрицание «антропологического» характера древнегреческой философии не обосновано и поиски новой идеи человека в современной культуре приведут к эллинизации антропологии. Причем, у античных философов следует заимствовать не готовую теорию человека, а методологию исследования человеческой жизни. Игнорирование антропологического фактора в античной культуре (на манер Хайдеггера) делает непреодолимым разрыв между античной и современной культурой. На это обратили внимание критики модерна, которые подвергли античную философию антропологическому прояснению. Можно говорить о наличии как минимум двух стратегий исследования природы человека в античности – онтологической и

риторической. Причем, обе они взаимодействовали и вели продуктивный диалог. Современными оказываются как софисты, так и платоники. С одной стороны, можно говорить о софистике как реакции на невыполнимость платоновской антропологии, которая предъявляет слишком высокие требования к человеку. С другой стороны, обнаруживается многосторонность и утонченность восприятия софистики у Платона и Аристотеля. И риторика, и онтология являются следствием конечности человека. Антропология в культуре становится действительно необходимой, когда вечные истины сводятся до уровня достоверных суждений, а человек больше не является замаскированным вариантом чистого духа. Тот факт, что человек вынужден действовать определяет риторическую ситуацию, выступает антропологической основой риторики, конститутивным элементом ее становления. Современный постструктурализм ищет возможность перевести актуальные смыслы античной софистики на современный язык. Софистика предстает как критика онтологии с позиций антропологии. Думаю, что рассмотренная полемика должна стать началом пересмотра устоявшихся взглядов на античную антропологию.

Список использованных источников

1. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
2. Аристотель. Риторика. Книга III // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.367–433.
3. Бибихин В. В. А. Ф. Лосев. С. С. Аверинцев / В. В. Бибихин. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 416 с.
4. Блуменберг Г. Антропологічний підхід до сучасного значення риторики / Г. Блуменберг // Після філософії: кінець чи трансформація? – К.: Четверта хвиля, 2000. – С.371–403.
5. Вульф К. Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой / К. Вульф. – СПб.: Изд-во С.–Петербург. ун-та, 2007. – 269 с.
6. Делёз Ж. Платон и симулякр. Перевод с фр. Е. А. Наймана / Ж. Делёз. – С.226–239. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000174/>
7. Кассен Б. Эффект софистики / Б. Кассен. Перевод с французского Л. Россиуса. – М.–СПб.: Московский философский фонд – Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. – 252 с.
8. Куцепал С. Місце людини вантанте (антропологічні етюди сучасної французької філософії) / С. Куцепал // Sententiae. – 13. №2. – 2005. – Універсум–Вінниця. Критика, 2005. – С.103–111.
9. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода / Э. Левинас. – М.: РОССПЭН, 2004. – 752 с.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. Книга 1. / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1988. – 416 с.
11. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии / М. К. Мамардашвили. – М.: Аграф, 1997. – 320 с.
12. Маркова Л. А. Философия из хаоса. Ж. Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии / Л. А. Маркова. – М.: Канон+, 2004. – 384 с.
13. Платон. Софист // Платон. Сочинения в 3–х томах. – М.: Мысль, 1970. – Т.2. – С.40–49.
14. Семенов В. Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии / В. Е. Семенов. – М.: РОССПЭН, 2012. – 687 с.
15. Хайдеггер М. Семинар в Церингене 1973 г. // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Мн.: ЕГУ, 2001. – С.108–123.
16. Хестанов Р. Теория и риторика как два проекта рациональности / Р. Хестанов // Логос. – 2000. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_1/2000_09.html
17. Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии / С. С. Хоружий. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 688 с.
18. Шуман А. Н. Трансцендентальная философия / А. Н. Шуман. – Мн.: Экономпресс, 2002. – 416 с.

References

1. Averintsev S. S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii / S. S. Averintsev. – M.: Shkola «Yaziki prusskoj kultury», 1996. – 448 s.
2. Aristotel. Ritorika. Kniga III // Averintsev S. S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii / S. S. Averintsev. – M.: Shkola «Yaziki prusskoj kultury», 1996. – S.367–433.
3. Bibihin V. V. A. F. Losev. S. S. Averintsev / V. V. Bibihin. – M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005. – 416 s.
4. Blumenberg G. Antropologichnyj pidhid do suchasnogo znachennija ritoriki / G. Blumenberg // Pislja filosofii: kinez chy transformatsija? – K.: Chetverta chvylja, 2000. – S.371–403.
5. Vulf K. Antropologija: Istorija, kultura, filosofija / Per. s nem. G. Hajdarova / K. Vulf. – SPb.: Izd-vo S.–Peter. Univ., 2007. – 269 s.
6. Delez J. Platon I simuljakk. Perevod s fr. E. A. Najman / J. Delez. – S.226–239. [Elektronyj resurs]. – Rejim dostupa: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000174/>
7. Kassen B. Effekt sofistiki / B. Kassen. Perevod s fran. L. Rossiusa. – M.–SPb.: Moskovskij filosofskij fond – Universitetskaya kniga, Kulturnaya initsiativa, 2000. – 252 s.
8. Kutsepal S. Mistice ludunu vakantne (antropologichni etudy suchasnoj frantsuz'koy filosofii) / S. Kutsepal // Sententiae. – 13. №2. – 2005. – Universum–Vinnytsy. Krytyka, 2005. – S.103–111.
9. Levinas E. Izbrannoe: Trudnyj svoboda / E. Levinas. – M.: ROSSPEN, 2004. – 752 s.
10. Losev A. F. Istoria antichnoy estetiki. Poslednie veka. Kniga I / A. F. Losev. – M.: Iskusstvo, 1988. – 416 s.
11. Mamardashvili M. K. Lekcii po antichnoy filosofii / M. K. Mamardashvili. – M.: Agraf, 1997. – 320 s.
12. Markova L. A. Filosofija iz chaosa. J. Delez i postmodernizm v filosofii, nayke, religii / L. A. Markova. – M.: Kanon+, 2004. – 384 s.
13. Platon. Sofist // Platon. Sochineniya v 3-h tomah. – M.: Mysl', 1970. – T.2. – S.40–49.
14. Semenov V. E. Dominiruyushie paradigmy transzendentalizma v zapadno-evropejskoj filosofii / V. E. Semenov. – M.: ROSSPEN, 2012. – 687 s.
15. Hajdegger M. Seminar v Ceringene 1973 g. // Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoy germenovtike. – Mn.: EGY, 2001. – S.108–123.
16. Hestanov R. Teoriya I ritorika kak dva proekta racional'nosti / R. Hestanov // Logos. – 2000. – №1. [Elektronyj resurs]. – Rejim dostupa: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_1/2000_09.html
17. Horujij S. S. Fonar' Diogena. Kriticheskaya retrospektiva evropejskoj antropologii / S. S. Horujij. – M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010. – 688 s.
18. Shuman A. N. Trandental'naya filosofiya / A. N. Shuman. – Mn.: Ekonompress, 2002. – 416 s.

Petrykivska O. S., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of the philosophy and the methodology of cognition, Odessa I. I. Mechnikov National University (Ukraine, Odessa), lenape@yandex.ru

The problem of man in the light of the rhetorical situation

For the purpose of finding-out of heuristic potential of classical anthropology in article the review of relations of philosophy and rhetoric is presented. The spectrum of strategy of philosophical research of human nature in antiquity and their reception by modern philosophy is defined. The comparative analysis of philosophical concepts of the person has allowed to concretize, what use of philosophical anthropology ideas and principles in modern anthropology is expedient.

Keywords: anthropology, rhetoric, a rhetorical situation, rationality, sophistry, antique rationalism.

Петриківська О. С., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології пізнання, Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса), lenape@yandex.ru

Проблема людини в світлі риторичної ситуації

З метою з'ясування евристичного потенціалу класичної антропології в статті представлений огляд відносин філософії і риторики. Визначено спектр стратегій філософського дослідження природи людини в античності та їх реценції в сучасній філософії. Порівняльний аналіз філософських концепцій людини дозволив конкретизувати, використання яких філософсько-антропологічних ідей і принципів в сучасній антропології є доцільним.

Ключові слова: антропологія, риторика, риторична ситуація, софістика, раціональність, античний раціоналізм.

* * *

УДК 1:572:130.2

Скалацька О. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри соціально-гуманітарних дисциплін, Одеський торгово-економічний інститут Київського національного торгово-економічного університету (Україна, Одеса), elena-s2008@ukr.net

РІЗНОМАНІТТЯ ДЕФІНІЦІЙ КОНЦЕПТУ «МОДА» В СУЧАСНОМУ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОМУ ЗНАННІ

Мета статті полягає у розгляді визначення концепту «мода» в межах соціальної філософії. Простежено, що в сучасному гуманітарному дискурсі для побудови наукових теорій і концепцій використовують концепти, замість понять. Простежується етимологія концепту «мода» від французького «mode» та англійського «fashion», (латинське «factio» (робити) «facere» (діяти)). Підкреслено, що у низці англомовних та україномовних тлумачних словників, філософських енциклопедичних видань надане визначення моди як нетривалого панування та норм поведінки. Обґрунтовано, що в проаналізованих джерелах відсутня єдиність концепту «мода», підкреслюється її мінливість і різноманітність, у яких важко відрізнити рід і виводі ознаки. Демонструються можливості застосування міждисциплінарного дослідження для уточнень етимології та властивостей моди та впровадження нових методологічних підходів.

Ключові слова: концепт, етимологія, мода, діяльність, зміни, нетривале панування, норми поведінки.

В останні десятиліття мода постає об'єктом наукового інтересу. У зв'язку з цим саме слово «мода» переходить з повсякденного слововжитку в наукове, постає концептом. Визначення даного концепту в теоретичних конструкціях галузей гуманітарного знання є багатоманітним і суперечливим (соціальний феномен, мистецтво, норма). Незважаючи на існуючий значний теоретичний доробок низки соціальних наук, та різноманітного емпіричного матеріалу, концепт «мода» залишається невизначеним. Для соціальної філософії звернення до дослідження питання визначення концепту «мода» є актуальним, і обумовлено зростаючою кількістю робіт, присвячених даному питанню.

Філософська думка протягом своєї історії неодноразово зверталася до різноманітних аспектів моди. Необхідно відзначити роботи Р. Барта, Ж. Бодріяра, Г. Зімеля, В. Зомбарт, Ж. Ліповецький та інших. У сучасному українському суспільствознавстві проблематика феномена моди отримала своє поширення в культурологічних та філософських дослідженнях: Г. М. Куц, Ю. Г. Легенький, Л. П. Ткаченко та інші. Роботи, що з'являються у наш час спрямовані на розкриття феномену моди, його розвиток в сучасних умовах.

Мета статті полягає у розгляді визначення концепту «мода» у межах соціальної філософії.

Необхідно зазначити, що в сучасному гуманітарному дискурсі для побудови наукових теорій і концепцій дослідники все більше використовують концепти, замість понять. Сучасний український дослідник Л. Н. Багата надає пояснення даному процесу, пов'язуючи його з «підвищеною» мінливістю культурної ситуації, що створює «макрозсув». На думку автора, «якщо дотримуватися категоріально-понятійного осмислення світу, залишаючись у межах традиційної формальної логіки, то необхідно буде враховувати підвищену рухливість і мінливість понятійного апарату, що приведе до розмивання думки в потоці термінів» [2, с. 215]. Основними особливостями концептуального рівня філософствування є: оперування положеннями теорії Ж. Делеза (серії, парадоксальні елементи та інші); «фіксування нових смислових утворень»; врахування